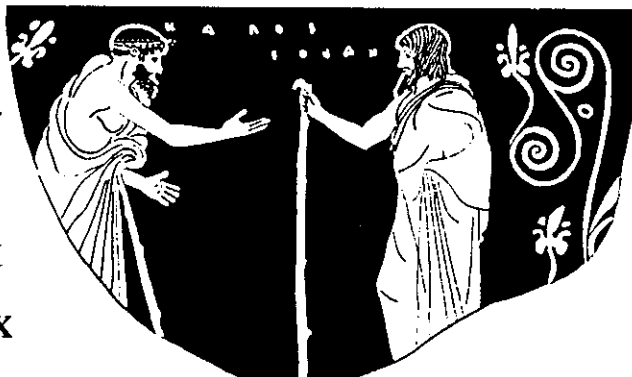

СТАТТІ

ОЛЬВИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ ЭТНОГЕОГРАФИ- ЧЕСКИХ ДАННЫХ ГЕРОДОТА

А. П. Медведев

В статье анализируются данные Геродота о северных соседях скифов. Выявляется определенная зависимость между степенью достоверности его сведений и направлениями маршрутов ольвийских торговых путей.

Мир ольвиополитов не ограничивался стенами их родного города, как не ограничивался он и рубежами его хоры. Он простирался далеко за пределы Ольвийского полиса вглубь Скифии вплоть до отдаленнейших нескифских земель. Об этом мире повседневной практической, торговой и познавательной деятельности ольвиополитов мы знаем немного, прежде всего по тем сведениям, которые собрали, записали и благодаря Геродоту сохранили до нашего времени ольвийские купцы и путешественники. Некоторое представление о масштабах их деятельности дает распространение античного, в первую очередь, ольвийского импорта, который маркировал направления древних торговых путей. Именно по ним шла широкая диффузия достижений античной цивилизации в варварский мир на юге Восточной Европы¹.

Сейчас появляется все больше свидетельств, что именно этот эллинский мир не только придал определенную окраску культуре Скифии и особенно субкультуре ее военно-аристократической верхушки, но во многом сформировал литературные «образы» скифов и их соседей. Здесь не место рассматривать вопрос о степени их соответствия скифским историко-этнографическим реалиям. Но, очевидно, что не будь последних, этногеография Скифии, реконструируемая только средствами археологии, выглядела бы совсем иной, во всяком случае намного беднее, чем ее видели современники-греки. И в этом заслуга не только автора «Скифского логоса», но, в первую очередь, тех весьма многочисленных его информаторов, из которых до нас дошло только имя Тимна — эпитропа скифского царя Ариапифа (Herod, IV, 76).

По единодушному мнению исследователей, основная информация Геродота о Скифии шла из Ольвии². По-видимому, для Галикарнасца Гавань борисфенитов играла ту же роль, что и Вавилон при его путешествии по Передней Азии или Мемфису в Египте³. Геродот принимает Ольвию за исходную точку, по отношению к которой он определяет местоположение различных скифских племен (IV, 17). Не останавливаясь здесь на сложном и во многом еще не решенном вопросе о мере автопсии «Отца истории» в Северном Причерноморье⁴, обратим внимание на одну интересную закономерность в описании племен, обитавших по сторонам «Скифского квадрата» и за его пределами.

Как известно, этногеографический экскурс «Скифского логоса» составляют как бы четыре отдельных перечня этносов (IV, 17—26). Каждый из них представляет своего рода полосу земель, попавшую в поле зрения историка,

© А. П. МЕДВЕДЕВ, 1997

начинающуюся от моря и уходящую «вверх», т. е. вглубь материка: 1. По Гипанису (Южному Бугу); 2. К востоку от Борисфена (в левобережье Днестра); 3. За р. Пантикап (Днепро-Донское междуречье); 4. За Танаисом (левобережье Дона и далее на восток к Приуралью). Они достаточно самостоятельны, но в целом неплохо согласуются между собой. В то же время отметим, что эти описания весьма существенно различаются не только числом упоминаемых в каждом перечне этносов (от 2 до 7), но также объемом и степенью оригинальности их этногеографических характеристик. Поэтому далеко не бесполезно установить, какие сведения Геродота заслуживают а priori большего, какие меньшего доверия, исходя, прежде всего, из самой природы источников, которые он использовал⁵. Начнем с анализа последней и самой пространной «полосы народов» за Танаисом⁶.

«Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом.

Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними, в тех же самых местах, обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой... Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну.

До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменистая и неровная. Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножья высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками... название этого народа — аргиппеи» (IV, 21—23)⁷.

Сейчас вряд ли у кого возникает сомнение в том, что в основе Геродотовой диатезы племен «за Танаисом» лежала древняя периэгеса — описание торгового пути из Гавани борисфенитов к приуральским аргиппеям и исседонам⁸. Впрочем, на это указывает и сам Геродот, завершая его описание: «Вот до этих плешивых (т. е. аргиппеев — А. М.) о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» (IV, 24). Именно наличие надежного источника вроде периэгесы и связанных с ней устных рассказов торговцев, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть глубоко внутрь практически неизвестного его современникам материка.

Некоторые исследователи не без оснований допускают возможность столь далеких путешествий не только скифских купцов, но и самих ольвийских греков и даже находят в их рассказах признаки автопсии в геродотовом описании аргиппеев, как известно, отличающемся этногеографической конкретностью (IV, 23). Здесь уместно напомнить, что филологический анализ указанной выше фразы о путешествиях к аргиппеям в одинаковой мере допускает два равноценных ее перевода, в том числе и такой: «не только некоторые из скифов, но и некоторые из эллинов ходят до земли плешивых»⁹. М. В. Скржинская обратила внимание на то, что только грек мог сравнить размер местного дерева «понтик» с обычным для него фиговым, а плод его, из которого аргиппеи приготавливали свой напиток «асхи», с бобом, так как для скифов бобы и особенно фиги были чуждыми культурами¹⁰. Судя по поэме Аристея Проконесского «Аримаспейя», эллинская мысль не исключала возможности таких далеких путешествий уже в архаическую эпоху, тем более, что их главной целью могло быть уральское золото¹¹. Археологические находки зеркал ольвийского типа, монет V—IV вв. до н. э. и свинцовых пломб с греческими надписями также дают определенные основания допустить, что эллинские купцы проходили весь путь до Урала¹².

В целом, изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в «Истории» Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность. Он располагает более подробной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути. Это особенно заметно на материалах «Скифского логоса» (рис. 1). Например, по течению р. Гипанис, служившей важнейшей торговой артерией западной части Скифии, Геродот знает четыре народа: каллипидов, ализонов, скифов-пахарей и невров (IV, 17). Даже о последних Геродоту удалось собрать оригинальные этногеографические сведения (IV, 105). Следует обратить внимание на то, что и здесь в качестве своих осведомителей он называет не только скифов, но и эллинов, которые живут в Скифии.

По интересующему нас пути, связанному с р. Танаис, также упоминается не менее четырех этносов: савроматов, будинов, тиссагетов и обитающих рядом с ними ирков (IV, 21—22). Причем два последних народа определенно локализируются уже в лесной зоне. В отличие от Борисфена (IV, 53) Геродот знает Танаис вплоть до его верховий в земле тиссагетов (IV, 123)*. Кроме того, после поворота этого пути на восток, в сторону Приуралья, путешественнику известен еще ряд народов (скифы отделившиеся, аргиппеи, исседоны). Весьма показательны, что за исключением скифов, отделившихся в этом списке, нет ни одного греческого псевдоэтнонима.

Для сравнения укажем, что к северу от Скифии в междуречье Борисфена и Танаиса взгляд Геродота не проникал дальше ближайших соседей скифов андрофагов и меланхленов, обитавших намного ближе к Ольвии, нежели отдаленные затанаисские племена (IV, 18, 20). К тому же в отличие от последних, получивших у Геродота более или менее пространные и весьма конкретные этногеографические характеристики в соответствии с его главной творческой установкой рассказывать об «удивительном» — *θαυμάσιον* (I. 1), его упоминания об андрофагах и меланхленах практически не содержат никакой оригинальной информации помимо той, которая заложена в самих этих псевдоэтнонимах (IV, 106—107), скорее всего сложившихся в местной греко-скифской среде¹³.

В этом смысле весьма показательна характеристика андрофагов. По существу она негативна. Геродот называет не столько их реальные этнические черты, сколько обращает внимание читателя на отсутствие у них признаков привычной для греков «цивилизованности». В полном соответствии с названием андрофагов отличают «самые жестокие нравы из всех людей, они не почитают справедливости и не имеют никакого закона..., только они одни питаются человеческим мясом» (IV, 106). По представлениям Геродота, выше андрофагов никакого человеческого племени нет на всем известном ему протяжении (IV, 18). О меланхленах говорится также весьма скупое, по существу только то, что «они носят черные плащи, от которых они получили свое название, о чем свидетельствует практически полное отсутствие греческого импорта в верховьях: Днестра и Донца, где их обычно локализируют исследователи¹⁴.

Складывается впечатление, что сведения об этих двух племенах получены «Отцом истории» из иного источника, нежели рассказы о савроматах, будинах и других этносах, земли которых пересекал торговый путь из Ольвии в Приуралье. По-видимому, у ольвиополитов не было прямых контактов ни с андрофагами, ни с меланхленами. К ним уже не доходили торговые караваны, о чем свидетельствует практически полное отсутствие греческого импорта в верховьях: Днестра и Донца, где их обычно локализируют исследователи¹⁴.

* На высокую степень достоверности сведений «Скифского логоса» о местоположении основных затанаисских племен указывают и независимые данные археологии, свидетельствующие о сосуществовании в Подонье в скифское время трех различных археологических культур (савроматской, среднедонской, городецкой), территориально весьма точно соответствующих перечню геродотовых савроматов, будинов и тиссагетов.

** Вопреки Геродоту данные археологии указывают на весьма плотную заселенность земель выше меланхленов, где в VI—V вв. до н. э. обитали не только отдельные группы скифоидного населения (верховья Сейма), но и восточнобалтские племена (юх:ювская и верхнеокская культуры).

по Гипанису	к востоку от Борисфена	за Пантикапом	за Танаисом
земля безлюдная	настоящая пустыня	болота и земля безлюдная	горы высокие и недоступные
невры	андрофаги		аргиппей исседоны
скифы-пахари	пустыня	меланхлены	скифы отделившиеся
ализоны			тиссагеты и иирки
каллипиды	скифы-земледельцы	скифы-кочевники	пустыня
		скифы царские	будины
			савроматы

Рис. 1. Глубина проникновения взгляда Геродота внутрь Скифии в зависимости от наличия или отсутствия торговых путей (жирной линией выделены этносы, через земли которых могли проходить торговые пути).

Скорее всего так могли рассказывать о своих северных соседях сами скифы в эпическом предании о войне с Дарием¹⁵. Не меняет сути и возможность использования Геродотом «Землеописания» Гекатея Милетского, где впервые упоминаются меланхлены (F. Gr. Hist., fr. 185). По-видимому, этот греческий псевдоним восходит к местному скифскому названию «саудараты» (ос. saw-dag-a-ta — «одетые в черное»), известному по ольвийскому декрету в честь Протогена¹⁶.

То же самое следует сказать и о происхождении этнонима андрофагов, давно уже сопоставляемого с амадоками (санс. amadaka — «едящие сырое мясо») из фрагмента «Скифской истории» Гелланика Митиленского (по St. Byz., fr. 170). Это отождествление становится еще более убедительным, если вспомнить Амадокскую область и Амадокское озеро, упомянутые Птолемеем в тех же самых местах, что и геродотовы андрофаги (Geogr., III, 5, 5). Весьма показательны и то, что эти названия применялись к чуждым и диким племенам, обитающим на окраинах ойкумены¹⁷.

Как представляется, изложенные выше наблюдения в известной мере объясняют неравноценность этнографической информации «Отца истории» о ближних и дальних соседях скифов. При таком подходе становятся более понятными обширные лакуны и явные несообразности в этногеографии Лесостепной Скифии, в частности, отсутствие каких-либо упоминаний о гигантском городе Гелоне в левобережье Борисфена, если верно его отождествление с Бельским городищем на Ворскле¹⁸. Видимо, Геродоту было известно, что этот деревянный город выстроен в земле «большого и многочисленного народа будинов» (IV, 108), восточную окраину которой только и пересекал торговый путь из Ольвии в Приуралье.

В заключение укажем, что отмеченная выше зависимость появления у греков новой этногеографической информации о населении юга Восточной Европы в связи с функционированием трансконтинентальных торговых путей прослеживается и в последующее время. К рубежу новой эры она уже вполне осознавалась античными авторами, в частности, Страбоном. Среди причин незнания его современниками верховий Танаиса он называет и такую: «кочевники, не вступающие в общение с другими народностями, и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходной части реки» (IX, 2, 2). Но уже в I—II вв. ситуация на танаисском торговом пути радикальным образом изменилась. Он вновь начал активно функционировать. Поэтому весьма детальная, хотя и не во всем достоверная диатеза племен Европейской и Азиатской Сарматии Клавдия Птолемея, видимо, далеко не случайно совпадает по времени с новым импульсом античного, теперь уже римского импорта вверх по Дону¹⁹. Как представляется, навстречу ему шел не только поток туземных товаров, особо интересовавших греков и римлян, но и новые сведения об обитателях глубинных областей Евразии.

Примечания

- ¹ Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье // ВДИ.— 1996.— № 1.— С. 3.
- ² Нейхард А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии.— Л., 1982.— С. 4—230; Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье.— К., 1991.— С. 89—91.
- ³ Жебелев С. А. Северное Причерноморье.— М.—Л., 1953.— С. 317.
- ⁴ Ср.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М., 1979.— С. 63—89; Нейхард А. А. Указ. соч.— С. 214, 215 и Artayor O. K. Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in Classical Philology.— 1978.— № 82.— P. 59—71; Русяева А. С. Понтийская легенда о Геракле: вымысел или реальность // Духовная культура древних обществ на территории Украины.— К., 1991.— С. 111.
- ⁵ Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники.— М., 1981.— С. 16.
- ⁶ Мы придерживаемся традиционного отождествления Танаиса и Дона. Аргументацию см.: Медведев А. П. К вопросу об идентификации реки Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного Центра России.— Воронеж, 1989.— С. 149—156; Медведев А. П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир.— Новочеркасск, 1993.— Ч. II.— С. 127—137.
- ⁷ Здесь и далее текст «Истории» Геродота приводится в переводе И. А. Шишовой по изданию: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М., 1982.
- ⁸ Граков Б. М. Чи мала Ольвія торговельні відносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія.— 1947.— Т. I.— С. 23—38; Хеннинг Р. Неведомые земли.— М., 1961.— Т. I.— С. 96—100; Доватур А. И. и др. Указ. соч.— С. 242.
- ⁹ Доватур А. И. и др. Указ. соч.— С. 252.
- ¹⁰ Скржинская М. В. Указ. соч.— С. 99, 100.
- ¹¹ Bolton J. D. P. Aristes of Proconnesus.— Oxford, 1962.— P. 104—141; Пьянков И. В. Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока.— М., 1978.— С. 184—186.
- ¹² Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964.— С. 260; Островерхов А. С. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья.— К., 1981.— С. 90, 91; Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА.— 1983.— № 1.— С. 47—66; Кузнецова Т. М. Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии.— М., 1990.— С. 82—97.
- ¹³ Жебелев С. А. Указ. соч.— С. 342; Стрижак О. С. Етнонімія Геродотової Скіфії.— К., 1988.— С. 45.
- ¹⁴ Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье VII—V вв. до н. э. // САИ.— 1966.— Вып. Д1—27.— С. 48.— Рис. 3—7.
- ¹⁵ Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры.— М., 1985.— С. 57.
- ¹⁶ Миллер В. Ф. Осетинские этюды.— М., 1887.— Ч. 3.— С. 79; Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания (древнеиранские языки).— М., 1979.— С. 305.
- ¹⁷ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей.— Новосибирск, 1977.— С. 145.
- ¹⁸ Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— К., 1987.— С. 156—163.
- ¹⁹ Медведев А. П. Античный импорт на северной периферии Сарматского мира // Проблемы античной истории и классической филологии.— Харьков, 1980.— С. 39, 40.

О. П. Медведев

ОЛЬВІЙСЬКІ ТОРГОВЕЛЬНІ ШЛЯХИ ТА СТУПІНЬ ДОСТОВІРНОСТІ ЕТНОГЕОГРАФІЧНИХ ДАНИХ ГЕРОДОТА

У статті аналізуються дані Геродота про північних сусідів скіфів. Встановлюється певна залежність між рівнем достовірності відомостей «Батька історії» і напрямками маршрутів ольвійських торговельних шляхів. Геродот мав більш надійну і оригінальну інформацію про ті, часом дуже віддалені від Ольвії, племена, крізь землі яких пролягали торговельні шляхи. Назустріч грецькому імпорту по них йшов не тільки потік тубільних товарів, але й та етногеографічна інформація, що цікавила греків. Запропонований підхід пояснює нерівноцінність етногеографічних свідчень Геродота, що містяться у IV книзі його «Історії» і робить зрозумілими великі лакуни й перекручення у змальованій ним картині розселення північних лісостепових та лісових племен.

OLBIAN TRADE WAYS AND RELIABILITY LEVEL OF HERODOTUS
ETHNOGRAPHIC DATA

Data presented by Herodotus concerning northern neighbours of the Scythians are analyzed in the paper. Certain dependence is found between the reliability level of data presented by the «father of history» and routes of Olbian trade ways. Herodotus had at his disposal more reliable information about those tribes, sometimes very distant from Olbia, through lands of which trade ways were paved. Not only a flow of goods was coming on those ways in the opposite direction to the Greek import, but also that ethnographic information which interested the Greeks. The approach suggested explains why not all ethnographic evidences given by Herodotus in book 4 of his «History» are valid enough and makes understandable certain gaps and perversions in the picture of dispersion of northern forest-steppe and forest tribes described by him.

СИМВОЛІКА ТА ХУДОЖНІ ОСОБЛИВОСТІ
МОНЕТ ОЛЬВІЇ ПІЗНЬОАРХАЇЧНОГО
ТА КЛАСИЧНОГО ЧАСІВ

А. С. Русяєва, М. В. Русяєва

На підставі вивчення різноманітних зображень на ольвійських монетах зазначеного часу розглядаються їх художні особливості та символіка у взаємозв'язку з релігійними поглядами ольвіополітів.

Дослідники монетної справи та грошового обігу Ольвії головну увагу приділяли типології, систематизації та хронології монет, водночас визначались образи міфологічних персонажів і відповідна до них атрибутика, але порівняно рідко порушувались питання монетного мистецтва¹. Тільки П. Й. Каришковський стисло розглянув його окремі аспекти в спеціальній статті², правильно відзначивши, що неможливо беззастережно погодитись з точкою зору О. М. Зографа, нібито в Ольвії «тривалої художньої культури не було» і штемпелі-зразки, які замовлялись приїжджим спеціалістам, «швидко піддавались огрубінню» при відтворенні їх місцевими майстрами. Велике значення має також його висновок стосовно того, що «точне відтворення іноземного монетного типу, тобто аутентичне копіювання іноземних монет, є в історії грошової справи досить рідкісним і кожен такий випадок потребує історичної інтерпретації»³.

Тому досить цікаво простежити, якими шляхами з самого початку історії Ольвії в VI та впродовж V—IV ст. до н. е. відбувалося виробництво монет як складової частини прикладного мистецтва. Тим більше, що їх символіка і художній стиль ще спеціально не вивчались.

Серед усіх монет античних міст Північного Причорномор'я ольвійські мають не тільки досить складну, але й напрочуд різноманітну систему символів, дослідження якої дає уявлення про характер типології зображень і сферу, де відбувалося первинне зародження і подальший розвиток окремих типів, наскільки вони були пов'язані з історією, художнім рівнем декоративно-прикладного мистецтва і релігією.

Перші грошові знаки у вигляді бронзових литих дволопатевих стріл і мініатюрних бронзових литих моделей дельфінів відрізнялись особливою сакрально-символічною своєрідністю, унікальністю типів, незважаючи на їх